

АЛЛА ОЗОРНИНА

ТЫ – В ИГРЕ!

И ДРУГИЕ УЖАСНЫЕ ИСТОРИИ



БОЛЬШАЯ  
СТРАШНАЯ  
КНИГА



Большая страшная книга

Алла Озорнина

**Ты – в игре! и другие  
ужасные истории**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-93  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

**Озорнина А. Г.**

Ты – в игре! и другие ужасные истории / А. Г. Озорнина —  
«Издательство АСТ», 2020 — (Большая страшная книга)

ISBN 978-5-17-135083-3

В книгу известной писательницы Аллы Озорниной «Ты – в игре! и другие ужасные истории» вошли две повести: «Страшная тайна смартфона» и «Ты – в игре!». Никита живет самой обычной жизнью в поселке Березовка в Забайкалье. Он самый неприметный мальчишка в классе, про него даже не сплетничают. Этим Никита и гордится. Однажды у него оказывается странный смартфон со встроенной непонятной Игрой. Сначала телефон угрожает своему хозяину, потом просит ни в коем случае не разряжать его, а после вовсе отправляет непонятно куда на пару с самой красивой и капризной девчонкой из класса. В этой странной Игре Никите и Рите предстоит ответить на несколько важных вопросов: нужно ли пытаться решить чужие проблемы, если они тебя не касаются? Зачем вообще дружить? Можно ли ради спасения своей жизни оставить друга в беде? Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-93  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-135083-3

© Озорнина А. Г., 2020  
© Издательство АСТ, 2020

## Содержание

Страшная тайна смартфона	6
Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	10
Глава 5	12
Глава 6	14
Глава 7	15
Глава 8	17
Глава 9	19
Часть II	21
Глава 1	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

**Алла Озорнина**

**Ты – в игре! и другие ужасные истории**

© Озорнина А.Г., 2020

© Ил. на обл., Рязанцева М.В., 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

## Страшная тайна смартфона

– Теперь твоя очередь! – сказал высокий прыщеватый парень. Он старался казаться спокойным, но его выдавали дрожащие руки и бледно-зеленый цвет лица.

– Ну и как? ТАМ?

– Ничего особенного, – чуть слышно ответил парень. – Я даже испугаться не успел.

«Ага, так я тебе и поверил», – подумал ОН и нехотя лег на отведенное для него место, сложив на груди руки. Жестко и никакого простора.

– Глаза закрой! – послышалось откуда-то сбоку. – Тоже мне, покойничек!

Сверху полилась негромкая душераздирающая мелодия.

На какое-то время ОН «отключил» слух и теперь сосредоточился на своих ощущениях. Н-да... очень даже неприятно. И тесно. Не раскинуться, как в просторной кровати. Потом снова вслушался в музыку и в слова, которые говорили в его адрес. И еле сдержался, чтобы не швыркнуть носом.

– Прощание закончилось! – объявил густой бас. – Закрываем! Крышку давайте!

ОН приоткрыл глаза, и ему показалось, что на него надвигается нечто огромное, обитое красной материей. Шлеп! И стало темно. Совсем темно. Послышался стук. «Вбивают гвозди!» – понял ОН. Стук прекратился, ОН почувствовал, как его вместе с гробом осторожно приподнимают и плавно опускают вниз.

Бум! Дно гроба ударилось о землю, и сверху, на крышку, стали падать комья земли. Бум! Бум! Бум!

Дыхание перехватило. Казалось, кто-то перекрыл доступ воздуха. Да! Воздуха катастрофически не хватало!

«Это конец», – подумал ОН и зажмурился, хотя и так лежал с закрытыми глазами.

## Часть I

### Глава 1

Продавец-консультант лучезарно улыбнулся.

– В общем, как пользоваться гаджетом, вы поняли. Думаю, проблем не будет. Если что, приходите, всегда готов помочь.

Конечно же, ни Никита, ни его отец и не подозревали о том, что едва они вышли из магазина, продавец торопливо схватил мобильник и громким шепотом произнес:

– Алло! Слышите меня? Да, это я! Ваша просьба выполнена. Продал, да. Да... Да... Что? Кому? А-а, сыну Алексея Бронникова, врача скорой помощи... Что, не надо было? Не для детской психики, говорите? Ну откуда ж я знал? Предупредить надо!

И, закончив разговор, подумал: «Да, не повезло пацану...»

...Отца уже поджидала машина скорой помощи.

– Ну все, встретимся завтра утром, – сказал он и вдруг рассердился: – Глаза бы не смотрели на твою халабудину! Напялил на себя черт знает что! Тьфу!

Никита не понимал, чем так не нравилась отцу его футболка, на которой был изображен бледный вампир с красными глазами. На черном фоне вампиреныш Кеша, как его называл Никита, смотрелся просто потрясающе.

Скорая помощь скрылась за поворотом. Никита с растерянным видом рассматривал подарок родителей в честь отличного окончания восьмого класса. Самым противным было то, что он сам попросил купить ему этот смартфон – так хотелось выглядеть крутым в глазах первой красавицы класса Риты Семикотовой. Ему казалось, что их головокружительные отношения будут длиться всю жизнь. А продлились... два дня. Рита обошлась с ним так же, как и с другими воздыхателями. И теперь этот дорогуший гаджет, на который отец ухлопал почти всю зарплату, вроде бы и не нужен. А ведь Никита пытался отказаться от этого подарка. Даже сегодняшним утром крепко поспорил с родителями. Но отец был непреклонен.

Никита вздохнул и побрел по улице.

«Что же теперь делать?» – вертелось у него в голове.

Продавец, все это время наблюдавший за ним из окна, тоже вздохнул и принялся разбирать поступивший товар.

«Что же теперь будет?» – вертелось у него в голове.

### Глава 2

Ярко-желтый диск солнца слепил глаза. На тополях проклюнулись нежные светло-зеленые листочки.

Никита взглянул на часы. До начала генеральной репетиции спектакля по повести Гоголя «Вий», в которой он играл роль Хомы, оставалась уйма времени. Именно с этого спектакля и должен был начаться праздник районного масштаба «Ночь в библиотеке». Идти в библиотеку и болтаться там час с лишним не хотелось. Идти домой... Конечно, можно было бы помочь маме по хозяйству, но с таким настроением... С таким настроением вообще ничего не хотелось делать.

Вот ведь как бывает: два дня ошеломительного счастья – и две недели бесконечных переживаний, вопросов: почему так получилось, что я сделал не так, как теперь жить дальше?

В синем-пресинем небе, громко щебеча, приветствуя первый теплый, почти что летний день, носились ласточки; стая бесхозных собак, высунув языки, лениво переходила через дорогу, чтобы устроиться в каком-нибудь прохладном месте.

Чтобы отвлечься от тяжелых мыслей, Никита решил попробовать себя в качестве фотографа. Если уж случилось так, что он стал обладателем навороченной техники, значит, надо ее освоить.

Поселок, в котором жил Никита, как ни странно, назывался Берёзовкой и был районным центром, разумеется, Берёзовского района.

Странность в названии заключалась в том, что здесь почти не росли березы. Здесь вообще ничего не росло, кроме чахлых тополей да яблонь-дичков на приусадебных участках. Да и то не на всех. И редких сосенок на самой окраине Берёзовки.

Улица, по которой шел Никита, упиралась в ярко-розовую от цветущего багульника сопку. Сопками их поселок был окружен со всех сторон, но та, на которую сейчас был обращен его взгляд, была особенной. Называлась она Дунькиной – с ее почти отвесной каменистой стороны в начале XX века сбросилась горничная лесопромышленника Хохрякова, Дунька. История эта имела несколько интерпретаций, но многие уверяли, что никакая Дунька с этой сопки не сбрасывалась, просто кто-то ее так назвал, а потом придумал легенду.

С этой местной достопримечательности и решил Никита начать карьеру фотографа. Но не успел он навести камеру смартфона на объект съемки, как почувствовал сильный удар сзади. Никита обернулся и похолодел: перед ним стоял сын директора библиотеки Арсений Булдыгеров.

Арсений внушал ему такой же ужас, как и висячий мост через реку. Увидев его еще издаля, Никита обычно стремительно перебежал на другую сторону улицы, а то и вовсе прятался за угол.

– А ну-ка, че там у тебя? – спросил Булдыгеров-младший, выхватывая смартфон. – Новый?

В висках у Никиты застучало. В животе закололо. Он испуганно кивнул.

– Отец купил?

Никита опять кивнул и втянул голову в плечи.

– Вот-вот, а говорят, врачи плохо живут! А ну-ка, сфотай меня! – Булдыгеров отошел в сторону и состроил рожу – скривил рот, выпучил глаза и закатил их к небу. Его и без того некрасивое лицо стало похожим на лицо злобного монстра из фильма ужасов. – Ну!

Никита коснулся экрана.

– А ну покажь, че получилось? – Арсений снова выхватил смартфон. – Хочешь сказать, это – я? Совсем оборзел? – Он изо всех сил швырнул дорогой гаджет в ближайший огород. – Чтоб никогда тебе его не найти!

Настроение у Никиты совсем упало. После каждой встречи с Булдыгеровым он чувствовал себя жалким и ничтожным. Он перелез через изгородь, отыскал в сухой земле подарок родителей, вытер его носовым платком и решил, несмотря ни на что, продолжить начатое дело.

Миновав несколько домов, Никита остановился возле трехэтажного здания районной администрации. Вот, пожалуй, место, достойное и кисти художника, и объектива фотографа. Напротив администрации, на небольшой центральной площади, на которой с некоторых пор возобновились первомайские демонстрации, возвышался монументальный памятник Ленину с поднятой правой рукой. После недавнего набега вандалов вождь мирового пролетариата стал одноруким.

Никита отошел подальше так, чтобы в кадр попали и здание, и вождь пролетариата, прикоснулся к кнопке и... То, что появилось на экране, заставило его тут же забыть и об обиде на Риту, и о Булдыгерове-младшем. И обо всем на свете...

## Глава 3

Рита Семикотова была очень сильным, целеустремленным человеком. Так, по крайней мере, считала она. И ведь не зря.

Судьба посмеялась над Ритой дважды.

Во-первых, жила Рита не в каком-то большом городе, а в маленьком поселке, который находился к тому же не просто в глубинке России, а даже в глубинке края. То есть, в глубинке глубинки. Конечно, были люди, которые и здесь ухитрялись чувствовать себя счастливыми, но Рита была уверена, что в такой дыре может себя чувствовать счастливым только тот, у кого совсем нет мозгов.

Второй ее бедой была фамилия. Семикотова! При ее-то необыкновенной внешности! Ну почему ей так не везет? Почему у этой дуры Князевой, у которой, как говорит мама, ни кожи ни рожи (впрочем, мама отзывалась так обо всех представительницах Берёзовки), такая замечательная фамилия? Почему, почему, почему?

Но... Рита не позволяла себе унывать. Во-первых, уже этим летом, ну, в крайнем случае осенью, они всей семьей переедут в Москву (а уж там-то ее наверняка заметит представитель какого-нибудь модельного агентства). А во-вторых, другая фамилия для девушки, как говорится, дело наживное.

Рита никогда не сидела без дела. И в то время, как ученики березовской школы корпели над учебниками да копались в огородах, помогая своим родителям (то есть занимались, по мнению Риты, абсолютной ерундой), она, открыв свой любимый ноутбук с красным корпусом (отец по ее настоянию откуда-то выписал за бешеные деньги), держа в руке огромный бутерброд (чтоб лишний раз не отвлекаться), изучала на различных сайтах новости знаменитостей шоу-бизнеса. Ну-ка, что там нового в личной жизни у Бузовой? А у Тимати? А у Егора Крида? Впрочем, гораздо важнее были для нее даже не закулисные интриги, а то, как держатся эти звезды. Как улыбаются. Как одеваются. Как разговаривают. Как смеются. Как встают и садятся. Как кланяются. Какие жесты предпочитают. Как ведут себя в разных ситуациях. Все это Рита, держа одной рукой бутерброд, а другой водя по коврику красной мышкой со стразами Swarovski, впитывала, впитывала и впитывала... А когда с бутером было покончено, начиналась вторая часть ее самообразования. Практическая. Это ведь только глупые курицы, которые ее окружают, считают, что для счастливой жизни нужны знания. Рита была уверена – для счастливой жизни нужна ухоженная внешность, прекрасные манеры и умение обзаводиться связями.

Практические навыки не всегда давались легко. И все-таки дело шло! В арсенале у Риты уже насчитывалось 17 разновидностей улыбок, 18 (пока еще!) разновидностей смеха, начиная от тихого, почти неслышного, и заканчивая оглушительным хохотом, 11 разновидностей приподнимания бровей (то правой, то левой, то двумя сразу), плюс всевозможные подергивания плечиком (или плечиками).

Особенно долго и мучительно Рите пришлось работать над голосом. Зато теперь она могла то нежно ворковать (правда, пока еще только сама с собой), то визжать как резаный поросенок. Было, конечно, и множество промежуточных вариантов, но пока еще только в запасе. С одноклассницами она общалась, добавляя в голос изрядную долю металла – ну как еще говорить с одноклеточными?

Понятно, что Рите пришлось отрабатывать и походку, и жесты, и умение элегантно садиться, а не плюхаться на сиденье, словно мешок с песком, как это делают ее ровесницы. А сколько времени у нее отняло искусство макияжа и маникюра! Зато теперь в Берёзовке невозможно было найти ни одного человека с такими красивыми ногтями! А если учесть, что в

поселке не было маникюрного салона, то только Рита могла похвастаться эксклюзивно обработанными и разрисованными ноготками.

Словом, другого определения для Риты, кроме как великая труженица, как человек, слепивший себя сам, подобрать было просто невозможно! И только иногда, для разрядки, Рита позволяла себе посмотреть по телеку или по компу что-нибудь не обучающее, а так, для интереса. «Битву экстрасенсов», например.

...Наконец, наступил последний день школьных занятий. Рита ликовала! Это означало, что еще немного – и она больше никогда не увидит порядком надоевшие лица! Еще, еще немного – и прощай, Берёзовка! Здравствуй, столица!

К тому же оценки в дневнике у Риты были такие, что любая московская школа сочтет за честь иметь способную ученицу. Почти круглая отличница! Почти, потому что англичанка все-таки ухитрилась поставить ей четверку за год. Ладно, хоть четверку, а то ведь и вовсе грозила вlepить трояк!

К счастью, теперь все позади. Осталось только выступить на этом странном празднике «Ночь в библиотеке», и можно готовиться к переезду. Когда, интересно, это случится? В июне? Июле? Августе? Впрочем, это уже неважно. Главное – скоро, очень скоро у нее начнется новая, настоящая жизнь!

Так думала Рита, собираясь на выступление. Подошла к зеркалу и замерла. Глазам больно! Такой ослепительно красивой она еще не была! Новое платье нежно-розового цвета, привезенное мамой из Парижа, благодаря множеству невесомых оборок, отходящих от бедра, подчеркивало ее осиную талию, высоченные шпильки удлинляли и без того стройные ноги. Длинные, спадающие крупными волнами светлые волосы, делали ее образ нежным и беззащитным. Рита вообразила себя прекрасной юной феей, прибывшей в Берёзовку из сказочной страны. Отошла на несколько шагов назад, повернулась вправо, влево – так и есть! Только вот туфли немного тесноваты и не очень удобны... Ну, это мелочи!

На всякий случай Рита извлекла из кучи брошенной вразнобой обуви другие, поскромнее. Примерила несколько пар. Стоять и ходить в них было, конечно, удобнее, но тогда она была уже не феей, а просто красивой девочкой. После нескольких минут мучительных раздумий Рита все-таки выбрала шпильки. Уж час-другой-то она вытерпит небольшой дискомфорт.

Ну что ж, пора заняться лицом. До начала репетиции оставался час – за это время она как раз успеет привести себя в порядок.

## Глава 4

«Не может быть», – прошептал Никита и снова навел смартфон на здание администрации.

Щелк! На экране появилось то же самое, что и в предыдущий раз: вместо центральной площади – заросший прошлогодним бурьяном пустырь, памятника вождю революции не было и в помине, а на месте привычного трехэтажного здания районной администрации стоял большой деревянный дом с вывеской «Амбулатория».

Возле амбулатории толпился народ. На женщинах были бесформенные блузки и длинные, до пят, широкие юбки. Мужчины, к которым, пожалуй, больше бы подошло слово «мужики», были одеты в свободные серые рубахи навыпуск и просторные штаны, заправленные в сапоги. Один из мужиков со зверским выражением лица, похожим на то, какое несколько минут назад скорчил Булдыгеров-младший, изо всех сил махал кулаком.

Мимо него, высунув язык, бежала облезлая рыжая собачонка. Никита выждал несколько минут и сделал новый снимок – все оставалось по-прежнему, только мужик опустил руку, а собака успела отбежать в сторону.

Никита застыл, уставившись на экран смартфона. Что это? Сон? Помешательство? Мистика? Что-то неизвестное науке?

Может, они с отцом приобрели неисправный гаджет? Чтобы проверить свое предположение, он включил режим видео, посмотрел и облегченно вздохнул. Все нормально – на экране появилось то, что он только что снимал – площадь с одноруким Лениным, входящие в администрацию люди, пробежавшая по тротуару кошка...

Почему же, когда дело касается фотографий, происходит что-то непонятное? Может, стоит обратиться к продавцу, разобраться? Но, прежде чем идти в магазин, Никита решил еще что-нибудь сфотографировать. Может, на этот раз не будет сбоя?

Он двинулся на соседнюю улицу, к единственным в поселке двум пятиэтажкам. Вот и они. Перед пятиэтажками возвышалась огромная свалка мусора площадью с небольшой спортивный зал. Над свалкой, несмотря на то что был всего-навсего первый теплый день, уже носились со счастливым жужжанием большие зеленые мухи.

Щелк! – взглянув на изображение, Никита невольно оперся о стоявший рядом тощий тополь. Вместо пятиэтажек запечатлелся длинный серый барак с закопченными окнами. Перед бараком, на растянутой между двумя тополями веревке, висело несколько застиранных панталон и простыней. А перед ними, как раз на том месте, где раскинулась свалка, – большая грязная лужа, в которой лежала огромная упитанная свинья.

Никита взглянул на часы. С этим странным смартфоном время несло как угорелое. Что же делать? Если идти в магазин, то он опоздает на репетицию, если не идти, то у него есть еще целых полчаса, чтобы что-нибудь сфотать. Ведь чем больше будет необычных фотографий, тем проще продавцу-консультанту разобраться с поломкой гаджета. Может, его вообще нужно заменить.

Приняв решение, Никита двинулся в сторону школы.

Березовская школа располагалась в здании бывшей каторжной тюрьмы возле леса (если так можно назвать редко растущие чахлые сосенки), со стороны которого на нее надвигалось поселковое кладбище. С каждым годом кладбище расширялось, и вот уже из окон классов видны свежие холмики с надгробными плитами.

Несмотря на строгие запреты учителей, дети предпочитали играть на переменах не во дворе, а на погосте. Кладбище завораживало. Кладбище пугало. Кладбище манило своей непостижимостью. Чем дальше в лес, тем меньше было оградок, тем больше было плит, ушедших наполовину в землю. На ту часть погоста дети старались не ходить, недолго и провалиться в какую-нибудь могилку. Но Никита однажды набрался храбрости и пошел туда, куда даже взрослые ступать боялись. Правда, и неся оттуда пулей, хотя ничего особенного не увидел. Но почему-то надолго запомнил скромный памятник, на котором было написано: «Здесь покоится прах добрейшего и честнейшего раба Божьего Ивана Петровича Веретенникова, приказчика М. Хохрякова, жившего с 1886 по 1925 гг.».

Никита подошел к школе со стороны кладбища. Щелк! – и на экране высветилась колючая проволока с охранниками в странной форме.

Ему опять стало не по себе. Он опустился на стоящую рядом лавочку и, только немного придя в себя, понял, что лавочка эта совершенно новая и стоит на чьей-то свежей могилке. Но сил подняться у него не было...

Нехорошие предчувствия охватили Никиту. Жизнь, такая понятная еще час назад, стала вдруг странной и непредсказуемой. Что происходит? И только ли с ним? Или, может, со всеми?

Чья-то прохладная ладонь легла ему на плечо...

«Мертвяк!» – подумал Никита и от ужаса закрыл глаза.

– Вот, приходил на могилку к родителям, – услышал он голос учителя физики Юрия Николаевича и облегченно вздохнул. – А ты что здесь делаешь?

– Я... я... мне... – начал Никита.

– Пойдем со мной. И все расскажешь.

– Ага, – шумно выдохнув и чувствуя небольшой прилив сил, Никита поплелся следом. Учитель подошел к скамейке у школы.

– Садись. Бледный, как смерть. Что-то произошло?

На душе у Никиты полегчало: хоть кому-то он сможет рассказать о том непонятном, странном и пугающем, что случилось с ним за последний час.

– Н-да, интересная штука, – произнес Юрий Николаевич, выслушав его сбивчивый рассказ. – Дай-ка мне это чудо техники, хоть в руках подержу. – Никита протянул смартфон. – Хм, так-так, что тут за фотографии...

По окаменевшему лицу учителя он понял, что случилось что-то... не очень хорошее. А может, даже плохое. – Ну-ка, посмотрим настройки, – сказал Юрий Николаевич сдавленным голосом. – Та-ак... Предупреждение видишь?

– Ага...

– Читал?

– Нет.

– Смотри. Выделено жирным шрифтом. «Предупреждение владельцам смартфона. Компания оставляет за собой право начать игру с пользователем в любой удобный для нее момент...» Та-ак... что там дальше? Ага, видишь? Вот здесь: «Если в это время смартфон окажется недостаточно заряженным, то за исход игры компания ответственности не несет».

– Что за игра? – дрожащим от волнения голосом спросил Никита. На его старом – обыкновенном, кнопочном, который Рита почему-то называла «деревянным», – телефоне тоже была игра, да не одна, но играть или нет, всегда решал он.

– В принципе, ничего особенного, – успокоил его учитель, но лицо его оставалось напряженным. – Главное – следить, чтобы он всегда был заряжен. Только и всего.

– А если игра... начнется, – еле ворочая языком, спросил Никита.

– Начнется, так и сыграешь, – сказал Юрий Николаевич. – Думаю, что это даже интересно. Я, если честно сказать, завидую тебе белой завистью. Счастливчик! Мне бы такой смартфон! – он взглянул на часы. – Все, мне надо бежать. Да и у вас вот-вот начнется репетиция.

Юрий Николаевич сунул Никите смартфон, поднялся со скамейки и пошел прочь быстрым шагом.

Никита посмотрел ему вслед. На душе полегчало. Теперь все, что происходило, воспринималось совсем по-другому. Подумаешь, игра начнется! Начнется, так он, Никита, и сыграет. Но тут же вспомнился взгляд учителя, окаменевшее лицо, когда тот рассматривал фотографии... Его определенно что-то напугало. Но – что?

В растрепанных непонятных чувствах Никита двинулся к библиотеке. Вот-вот должна начаться репетиция.

## Глава 5

Рита обвела глаза толстой черной подводкой – и они сделались такими огромными, что она стала похожа на сову, прилепила накладные ресницы, большими темно-синими кругами обозначила веки, на щеки наложила румяна, чтоб оттенить белизну кожи, и, наконец, нанесла на губы блестящую розовую помаду – как раз в тон платью. Хороша, ой хороша! Жаль вот только, что в этой дурацкой Берёзовке оценить ее некому.

Из кухни донесся мамин голос:

– Ну знаешь ли, пупсик...

Так грозно слово «пупсик» еще никогда не звучало. Оно как будто бы было выковано из стали с изрядным добавлением чугуна. Обычно тон матери в разговоре с отцом менялся с нежного на требовательно-суровый где-то на третий или четвертый день ее пребывания в

Берёзовке. Соответственно, менялся и «пупсик». Ну а потом пупсик превращался в изверга, исчадие ада, несчастье на всю жизнь... И, разумеется, в человека, с которым у нее давно уже нет ничего общего. От отчаяния мать начинала рыдать, заламывать руки, бить посуду и срочно покупать билет в следующее турне. А что ей еще оставалось делать?

Рита приблизилась к кухне. Что случилось? Чем на этот раз отец довел бедную женщину до нервного срыва?

То, что услышала Рита, лишило ее сил. С трудом, по стеночке дойдя до своей комнаты, она взяла пуф, перетащила его в коридор и, совершенно ослабевшая, села, опершись спиной о стену. Стена оказалась очень холодной, но Рита не обращала на это внимания. Фразы падали на нее, как тяжелые камни, и от каждого услышанного слова ей становилось все хуже.

– И что, я теперь не смогу съездить даже в Турцию? – визжала мать.

– Что значит «даже»? – послышался усталый голос отца. – Теперь, Марина, ты уже вообще никуда не сможешь съездить. По крайней мере, в ближайшие три-пять лет. А может, и вообще никогда!

Бах! – разбилась чашка. Бах! – разбилась большая тарелка. Рита за многие годы разбирательств родителей легко могла отличить, что разлеталось на осколки.

– Ты вообще думаешь, что говоришь? – продолжала визжать мать. – Как ты представляешь мое пребывание в этой дурацкой Берёзовке? С ума, что ли, сошел?

– Марина, пойми, мы разорены! Вчера я продал машину. Сегодня выставил на продажу коттедж! Правда, даже представления не имею, кто его сможет купить... Разве что кто-то из приезжих. Так сюда не едет-то никто...

– Какой коттедж?

– Какой-какой? Тот, в котором мы живем!

У Риты закружилась голова, и она вцепилась в ручку туалетной двери.

Бах! В ход пошла тяжелая артиллерия – венецианский хрусталь.

– Марина, пойми, меня крепко подставил партнер! Я верил ему, как себе...

– Ну, это ты можешь!

– А он оказался подлецом, каких мало!

– Вот-вот! Верь больше людям!

– Ну а как же без этого?

– Подожди, Лень... А когда же Москва?

– Что – Москва?

– Мы же хотели переехать в Москву! Этим летом! Лень!

– Услышь меня, Марина! – почти закричал отец. – Не поедем мы в Москву, не поедем!

Здесь будем жить! Мы разорены, Марина, пойми ты это!

– Ну а... ребенок?

– Какой ребенок? У тебя есть ребенок? – страшно захохотал отец.

– Прекрати издеваться! Что теперь с Ритой?

– А что с Ритой?

– Ну она же... мы же в Москву...

– Рите придется взяться за ум... Осваивать школьную программу, догонять класс.

– Так у нее же одни пятерки!

– Ой, не смей меня, Марина! Можно подумать, что ты не знаешь, откуда эти пятерки!

Не давал бы я на ремонт школы кругленькую сумму каждый год, плюс еще в течение года не подбрасывал бы денежку, быть бы Рите круглой... двоечницей. Так что за ум придется нашей дочери взяться так же, как и тебе...

Ба-бах! В ход пошла супержелезная артиллерия – судя по всему, мать метнула в отца чугунную сковороду.

Теперь стена стала не просто холодной, она стала ледяной. Но Рите было не до этого. Ее волновали услышанные только что слова.

... На негнущихся ногах, оставив пучок посреди коридора, Рита вышла на улицу и побрела на репетицию.

Идти на высоченных шпильках было неудобно, к тому же туфли на самом деле оказались маловаты, и пальцы упирались в носки, а пятки – в задники. Но Рита не замечала этого, так же, как не замечала ни распускающихся на тополях нежно-зеленых листочков, ни надвигающейся с запада огромной лиловой тучи. В голове звучали слова: «Мы разорены, Марина, мы разорены...», «Значит, Рите придется взяться за ум...».

Последняя фраза была особенно ужасной. Получалось, что теперь вместо того, чтобы блистать на столичных подиумах, ей нужно будет зубрить математические формулы, иностранные слова, постигать дурацкие дисциплины! Нагонять упущенную программу! С ума сойти!

Рита с трудом доплелась до библиотеки, вошла в читальный зал, достала из-за стеллажей с книгами бутафорский гроб, в котором должна лежать Панночка – то есть она, и без сил плюхнулась в него.

– Глянь, на Семикотовой-то лица нет! – толкнула в бок вурдалак Князева вурдалака Грязеву. – Зеленая, как ботва!

– Точно!

– Довыпендривалась! – обрадовалась вурдалак Зюзева.

– Ну а что ей? Вот смотрите, платье-то опять, поди, французское!

– Да-а, платье во-о-ще! А туфли! Умереть не встать! А морда зеленая! С чего?

– Да кто ж их знает? Этих богатых разве поймешь?

Всего этого Рита не слышала. Она лежала в гробу и еле сдерживалась, чтобы не разревься.

## Глава 6

После быстрой ходьбы Никита почти успокоился. «Подумаешь, игра, – размышлял он. – Начнется, значит, сыграю. А может, и не начнется. И неизвестно еще, что лучше». И несмотря на то, что репетиция должна была вот-вот начаться, он бросился за здание библиотеки, туда, где, наверное, уже лет сто валялся всякий хлам: старая мебель, доски, афиши, поломанные лавочки и разных размеров ящики, отошел в сторону, навел камеру на свалку и... что же? На экране высветился сад с цветущими яблонями-дичками, в глубине которого стояла беседка из резного дерева, а в ней, спиной к Никите, сидела девочка в голубом платье.

Теперь Никита даже радовался фортелям, которые выкидывал смартфон. Ни у кого такого нет! Он представил, какими будут лица у пацанов, когда они увидят, что вытворяет его новый гаджет, сказал себе: «Йес!», за несколько секунд обогнул библиотеку, вбежал в дверь и... налетел на маленьких упырей-первоклашек. Они облепили его со всех сторон, один даже ухитрился залезть Никите на плечи и никак не хотел слезать. Прошло несколько минут, прежде чем он сумел отвязаться от «нечистой силы» и наконец-то вбежать в читальный зал, в котором проходила репетиция.

– Еще один опоздавший! – закричала Екатерина Александровна. – С ума с вами сойдешь!

– Ой, какая смешная футболка! – засмеялась вурдалак Князева, показывая на вампира Никиты. – Клево!

– Я тоже такую хочу!

– Где взял?

– Семикотова, выходи из гроба! Полежала – и довольно! Это тебе не диван! – рассердилась Екатерина Александровна. – Вий, прекрати заигрывать с вурдалаками! Сколько можно говорить?

Рита не двигалась с места. В нарядном розовом платье, в блестящих туфлях на высоченном каблучке, скрестив на груди руки, она продолжала лежать с закрытыми глазами. На каждом длинном, тщательно обработанном пунцовом ноготке был нарисован крошечный синий цветочек с крошечными зелеными листочками. На конце каждого ноготка была просверлена дырочка, в которую была продернута серебряная цепочка, а на цепочке висело малюсенькое серебряное сердечко. Разумеется, тоже из Парижа!

– Все за собой убирай, – сурово сказала Екатерина Александровна, когда Рита нехотя поднялась. – Ну что ты, Семикотова, как неживая? Быстрее!

Медленно ковыляя на шпильках, Рита потащила за ширму склеенный из картона гроб.

– Да, Семикотова, и в перерыве сними, пожалуйста, макияж.

Рита остановилась.

– Вы че, с ума сошли?

– И накладные ресницы – тоже! Так, а ну-ка, подойди-ка ко мне! Руки покажи. Боже мой! Ну что с тобой делать?! Ну как ты будешь играть ведьму с такими ногтями? Да еще с какими-то сердечками! И перестань жевать жвачку!

– Ну уж маникюр я убирать не буду! Столько времени на него ушло! И макияж снимать – тоже!

И выдула изо рта огромный зеленый жвачечный пузырь. А потом тут же втянула его обратно. Натя вам!

– О господи! – простонала Екатерина Александровна.

Девчонки злорадно переглянулись. Потом засмеялись. Еще бы! У всех дома приусадебное хозяйство, скотина, огород – какой уж там маникюр? А эта не просто наманикюруется – еще и цветочки с листочками-лепесточками на ногтях нарисует, а тут еще и сердца какие-то прицепила. Видать, совсем делать нечего!

– Че ржете? – закричала Рита, и ее ярко накрашенные губы некрасиво изогнулись.

– Семикотова, прекрати сейчас же! – тоже почти закричала Екатерина Александровна.

– Быстро снимай косметику!

Рита снова выдула изо рта пузырь, потом снова втянула его обратно и сказала:

– Прямя! – И дернула плечиками. – Не дождетесь!

## Глава 7

– Ну! – начало репетиции ввергло Екатерину Александровну в шок. Оказалось, что никто не помнит слов! С ума сойти! Что скажут коллеги, что скажет директор библиотеки Булдыгеров?

Вот и Семикотова совершенно не знает, что говорить!

Рита тем временем стояла посреди сцены и судорожно пыталась вспомнить текст. Куда там! Голова кружилась, по телу разлилась отвратительная слабость, пальцы на ногах, кажется, совсем согнулись и больно упирались в носки туфель. Рита приподнимала то одну, то другую ногу: приподнятой ногой на время становилось легче.

– Че это с ней? – вурдалак Князева наклонилась к вурдалаку Грязевой. – Ногами-то чего переступает? Как лошадь!

– Понятия не имею. Шарик за ролики, видно, зашли.

– Ага! Или ролики за шарик!

– Тихо! – прикрикнула на вурдалаков Екатерина Александровна. – Ты что, Семикотова, стоишь как цапля? Встань нормально и говори!

«Мы разорены, Марина, мы разорены... – звучал в голове голос отца. – Какая Москва? Берёзовка, только Берёзовка!»

– Сейчас очередь Хомы, – подсказала вурдалак Князева.

– Точно! – согласилась Екатерина Александровна. – Бронников, ты-то чего молчишь? Думаешь, если напялил эту дурацкую футболку, то все позволено?

Никита усиленно морщил лоб, тер руками виски и... хоть бы одно слово всплыло в памяти! Текст всей пьесы он знал назубок, но сейчас думалось о другом – о реакции одноклассников после того, как он покажет возможности смартфона.

– Нет, это сумасшествие какое-то! – взорвалась Екатерина Александровна. – До начала спектакля двадцать минут, а мы даже слов не знаем!

Никита еще сильнее наморщил лоб, в мозгах прояснилось.

– Это... А! Философ Хома Брут был нрава веселого! Дальше... это... Любил очень лежать и курить люльку. Если же пил, то непременно нанимал музыкантов и отплясывал трепака.

Очень быстро небольшая часть постановки, в которой богослов Халява, философ Хома Брут и ритор Тиберий нашли место для ночлега, была преодолена, и, наконец, дошла очередь до Риты. Но у той в ушах продолжали звучать слова отца о том, что они разорены и что коттедж выставлен на продажу.

– Пусти, бабуся, переночевать, – уже в пятый раз повторил окончательно пришедший в себя Никита.

– Ну? – вышла из себя Екатерина Александровна. – Семикотова, хватит спать!

– А, ну да, – будто проснувшись на самом деле, сказала Рита и вдруг вспомнила: – Я знаю этих философов и богословов. Если таких пьяниц начнешь принимать, то и двора скоро не будет. Пошли! Пошли! Тут вам нет места!

– Ладно, побереги голос. Отдыхай. Итак, тихо! Все ко мне! – Екатерина Александровна захлопала в ладоши. – Праздник начнется через двадцать минут! Сверим время!

Все вытащили телефоны, согласно закивали.

– Итак, все свободны, но из библиотеки никуда не выходить! Ни-ку-да!

Все двинулись к дверям.

– Сюда, сюда, – замахал руками Никита, первым выскочивший в вестибюль, – вставайте скорей, фотографировать буду! Такое увидите!

– Удивил! Как будто мы фоток не видали!

– Таких не видали!

– Ой, не болтай!

– Насильно не заставляю. Не хочешь – не надо!

– Куда вставать-то?

– Ну куда-куда? Вон, хотя бы к той колонне! Вот так...

Человек пятнадцать вместе с упырятами облепили колонну и замерли в одной позе.

– Чи-из! – сказал Никита. – Снимаю! А ну-ка... Готово!

Все сгруппировались возле него.

– А мы-то – где? – тыча пальцем в экран, недоумевал Димка Скворцов.

– Ой, правда, куда все подевались?

– Мужик какой-то... С бородой... Видите? Идет куда-то...

– Ну прям как живой...

– А вон там, смотрите, диван и кресла. А здесь – нет.

– А фон-то какой темный! Здесь-то светло!

– Да че вы? – громко сказал Клюшкин. – Это же приколы!

– Ага, приколы, – обиделся Никита. – Ну давай, ты теперь всех приколы!

– И приколы! Вон возле дверей встаньте! Ага, снимаю! Готово! Та-ак, посмотрим... Что это? Вообще никого... Да отойдете вы, или нет! – это он сказал болтающимся под ногами упырятам. – До чего надоели!

Рита издалека наблюдала за происходящим. Но подойти не решалась – она всегда держалась обособленно. По привычке взглянула на себя в зеркало, но даже собственная красота сейчас не радовала. Зачем это дорогущее платье с невесомыми оборками, зачем эти высоченные шпильки, к тому же очень неудобные, зачем яркий макияж и серебряные сердечки, вдетые в каждый ноготок, если переезд в Москву отменяется, и, возможно, ей до конца жизни придется видеть эти противные лица!

Впервые в жизни ей захотелось хоть кому-нибудь рассказать о постигшем их семью несчастье, услышать хоть одно сочувственное слово... Но – кому? Князевой, Грязевой, Зюзовой? Так они еще, глядишь, и позлорадствуют...

Тем временем вокруг Никиты собиралось все больше и больше народу.

«Что же все-таки там происходит?» – думала Рита. Ну, появился у него смартфон, которых у нее перебивало, наверное, не меньше десяти, ну, фотографирует он всех – ну и что? Почему такой ажиотаж?

– А пойдемте наверх! – предложила вурдалак Князева. – Что, интересно, там?

Все рванули вверх по лестнице, и впереди всех – маленькие упырята. Немного постояв, поковыляла и Рита.

## Глава 8

Между тем солнце медленно подбиралось к сопке, за которую должно было закатиться. Подул прохладный ветер. А с запада, как раз от Дунькной сопки, надвигалась плотная синесерая туча.

Возле деревянного двухэтажного здания толпился народ. «Ночь в библиотеке!» – корявыми багровыми буквами было выведено на криво приделанной огромной афише. – «Встреча с вампирами, вурдалаками, нечистой силой и... Николаем Васильевичем Гоголем! Гвоздь программы – подвал дома Хохрякова! А-а-а-а! Страх и Жуть! Число билетов ограничено!»

Районная библиотека располагалась в доме лесопромышленника Хохрякова, который после революции вместе с дочерью бежал в Харбин. После их отъезда в доме надолго обосновался поселковый совет, потом районная администрация, и вот два года тому назад сюда переселилась библиотека.

Несмотря на то, что праздник должен был начаться с наступлением темноты, то есть около одиннадцати вечера, небольшой пустырь еще с утра начал заполняться публикой.

Гвоздем программы было посещение подвала. Именно там был сосредоточен самый-самый страх, самая жуть, но для того, чтобы туда попасть, гостям праздника нужно было принять участие в викторине, посвященной творчеству великого писателя, прочитать перед публикой отрывок из какого-нибудь произведения и посмотреть театрализованное представление под названием «Вий».

Ближе к вечеру число любопытных увеличилось в разы, рядом с библиотекой выстроились мотоциклы, велосипеды и несколько старых задрипанных машинешек – ведь многие приехали сюда из ближних и даже дальних деревень.

Чем больше сгущались сумерки, тем ближе к поселку подходила огромная туча, обещающая вот-вот разразиться ливнем.

...Рита нашла одноклассников в зале периодической печати, который на время праздника стал гадальней. До нее донесся голос Ключкина:

– А теперь меня одного!

– Нет проблем, – сказал Никита. – Отойдите все от него! Минуточку! Готово!

Все опять сгрудились возле Никиты, чтобы увидеть, что же на этот раз выкинет странный гаджет.

– Смотрите, смотрите! – закричал Димка Скворцов, хватаясь за живот. – Такого еще не было! Девочка, Ключкин – девочка!

– Как – девочка? А ну дай посмотреть! Ой, а что это я делаю?

– Я знаю! – раздался голос вурдалака Князевой. – Чулок снимаешь! Раньше вместо колготок чулки носили. Мне бабушка рассказывала.

– Вау! Вот это да! Кстати, платице-то на мне – прелесть! Голубенькое, в оборочках... Вы не находите?

«Да что они, все с ума посходили, что ли? – думала стоящая неподалеку Рита. – Ключкин, чулки вместо колготок... Что же там все же такое?»

Рита даже забыла о том, что они разорены, что теперь ей придется учить уроки наравне со всеми и что пальцы на ногах так разбухли, что она могла перемещаться только маленькими осторожными шажочками. Шажок, другой, третий – и она уже почти подошла к окружившим Никиту любопытствующим. Еще немного и... И тут же встретила красноречивый взгляд Князевой: «Только тебя здесь не хватало!»

Именно в этот момент библиотека взорвалась оглушительной музыкой, и почти тут же зал начал заполняться людьми.

Риту оттеснили в сторону, и она потеряла всех из виду.

– Ну наконец-то, – послышался сердитый голос Екатерины Александровны. Она с трудом перекрикивала музыку. – Ты чего, Семикотова, на звонки не отвечаешь? Я звоню, звоню!

– А я не слышала... Музыка же! – прокричала в ответ Рита.

– Музыка! Слушать надо! Дождь пошел, поэтому представление начинаем раньше, быстро переодеваться!

Екатерина Александровна схватила Риту за руку и поволокла на первый этаж. В свободной руке она держала телефон, по которому пыталась еще до кого-то дозвониться.

– Теперь этот... трубку не берет! – нервничала Екатерина Александровна. – Бронникова не видела? – пытаясь перекричать музыку, спросила она пробегающую мимо вурдалака Князеву.

– Он в очереди в подвал! – прокричала та в ответ.

– Как – в подвал? Кто разрешил? Мы же вот-вот выходим!

На мгновение Екатерина Александровна выпустила руку Риты, и девочка уже хотела оторваться от нее, но, заметив это, учительница снова схватила Риту за руку и потащила к длинной очереди, которая столпилась возле подвала.

– Ничего не понимаю! Его же должны открыть позже, после спектакля! Ужас какой-то! И где он? – изо всех сил, стараясь переорать музыку, которая здесь была еще громче, чем наверху, кричала Екатерина Александровна.

– Да вот же они! – закричала в ответ Рита.

– Где?

– Ну вон, видите, на самом входе!

– Точно! Эй, Бронников, Скворцов!

Но Никита с Димкой, ничего не слыша, продолжали продвигаться вперед.

– А ну-ка пойдем туда!

Екатерина Александровна, все так же держа Риту за руку, под возмущенные возгласы стоящих сзади стала протискиваться к началу очереди.

– Никита! – изо всех сил закричала она, но Никита скорее почувствовал, чем услышал, обернулся, и в это время дверь, ведущая в подвал, открылась, пропуская тех, кто уже был на входе.

Учительница, сделав рывок вперед, схватила Никиту за рукав, но толпа уже увлекала за порог его, а вместе с ним Екатерину Александровну с Ритой.

Дверь закрылась, удивительным образом отсекая звуки, и стало тихо. Почти тихо. Кто-то приказал:

– Отключить телефоны!

Все, в том числе и Никита, полезли в карманы.

## Глава 9

Так навсегда и осталось загадкой, кто же все-таки дал распоряжение раньше времени открыть вход в подвал. Толпа, ввалившаяся в библиотеку, поняв, что в «самую жуть» можно пройти безо всякого участия в викторине и просмотра какого-то «Вия», тут же выстроилась в очередь. Когда в гадальную хлынул народ, Никита с Димкой пошли вниз, чтобы разыскать остальных участников спектакля, но никого не нашли. Взглянув на часы, они прикинули, что вполне успеют до начала выступления посмотреть эту «самую жуть», и тоже встали в очередь. В последний момент с ними вдруг оказались Екатерина Александровна и Семикотова – откуда они появились и, главное, для чего, Никита так и не понял.

Лестница в подвал оказалась узкой, крутой и темной. Наконец, ступеньки закончились, и ноги ощутили неровную каменистую поверхность. Никита очутился между Ритой и Екатериной Александровной.

– А че меня-то сюда приперли? – возмущалась Рита. – Можно подумать, мне это интересно! Лучше бы я в гадальне потолкалась!

Впереди, на небольшом пятачке, зажегся свет, откуда-то появилась женщина в расписном украинском наряде.

– Здравствуйте, друзья, – сказала она. – Меня зовут Аделаида Павловна. Наша экскурсия посвящена творчеству Николая Васильевича Гоголя. Уверена, она оставит у вас неизгладимые впечатления. За мной, прошу вас!

Все двинулись вдоль тесного, слабо освещенного, подвала. Шли медленно. Никита вдруг вспомнил про фортеля, которые выкидывал смартфон, и его охватили нехорошие предчувствия.

Внезапно стало темно, впереди послышались крики. Несколько секунд спустя чуть было не закричал и Никита: из появившегося светлого пространства, устремив горящие адским огнем глаза и клацкая железными зубами, к нему приближалось несколько... мертвецов. «Зомби!» – понял Никита. Внутри все сжалось. Взявшись за руки, зомби образовали круг. Еще немного – и они раздавят Никиту в своих кладбищенских объятьях. Вероятно, нехорошие предчувствия начали сбываться. Никите захотелось стать маленьким, невидимым.

И почти сразу стало светло и нестрашно. И даже спокойно.

Вместе с другими экскурсантами Никита очутился в уютной импровизированной комнатке. На этажерке по-домашнему светила настольная лампа, а рядом стояли книги Гоголя.

– Это произведения Николая Васильевича, изданные в разные годы, – сказала Аделаида Павловна и взяла в руки одну из книг. – Особо ценен этот раритетный экземпляр, который нам позаимствовала на время праздника наша краевая библиотека. – Она открыла книгу. – Обратите внимание – здесь стоит штамп «Из личной библиотеки М. И. Хохрякова». Разрешаю посмотреть, потрогать, только очень прошу – сразу ставить на место.

Никита оказался ближе всех к этажерке, и Аделаида Павловна, решив, что он – один из страстно желающих получить раритетный экземпляр, сунула ему книгу. Его тут же оттеснили в сторону.

– А где Вий? – спросила подбежавшая Екатерина Александровна.

– Не знаю... Где-то наверху. А вы-то почему с нами?

– С вами! Да потому что уже на сцену выходить надо, а вы сюда поперлись!

Никита машинально сунул раритетный экземпляр за пояс джинсов, вытащил смартфон, чтобы убедиться, что времени до выступления еще достаточно, но он оказался выключенным. Точно, всем же еще на входе сказали отключить телефоны. Включать гаджет Никита, конечно же, не стал.

Екатерина Александровна добавила:

– Дождь пошел, вот директор и решил пораньше начать.

– Идем дальше, – сказала Аделаида Павловна.

Все снова двинулись вдоль коридора. Теперь на экскурсантов смотрели сверху светящиеся черепа, слышалось тревожное уханье совы... И это тревожное уханье вдруг нарушили совсем другие звуки.

– Кто не выключил телефон? – раздался сердитый голос Аделаиды Павловны.

Все переглянулись.

– Бронников! – возмущенно зашептала Екатерина Александровна и дернула Никиту за рукав. – Что там у тебя пищит? Сказано же – отключить телефоны!

– Так я отключил! – тоже зашептал Никита и полез в карман, чтобы еще раз убедиться, что смартфон отключен. Он и был отключен... И на этот отключенный смартфон пришла эсэм-эска! Как? Удивиться этому Никита не успел: раздался визжащий звук, стало темно, тихо, и чьи-то острые когти вцепились в его плечо...

## Часть II

### Глава 1

Никита вздрогнул. Что это? Чьи это когти? Неужели летучей мыши? Но откуда она взялась? Нет, скорее всего, не летучей мыши. Тогда – чьи?

Он дернулся – хотел освободиться от когтей, но те еще глубже вонзились в плечи. Ему стало не по себе. К тому же, кроме впившихся костей, было нечто еще более пугающее. Темнота.

Она была другой. Не той, что минуту назад.

Как будто бы еще более темной. И... зловещей. А еще в ТОЙ темноте были звуки: шепот экскурсантов, шорохи... Здесь же была оглушительная тишина. Похоже, он здесь один... плюс еще чьи-то когти.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.